

DOI 10.25991/VRHGA.2023.2.2.009

УДК 1(091)

*А. А. Корольков**

ПРАЖСКОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ МЫСЛИ И ОБРАЗОВАНИЯ

В статье Прага 20-х годов XX века характеризуется как наиболее благоприятное место для творчества русских ученых и мыслителей, оказавшихся в изгнании. Автор имел возможность работать в Славянской библиотеке и Карловом университете Праги, это нашло отражение в статье. Особое внимание уделено судьбам и идеям В. В. Зеньковского, С. Н. Булгакова, И. И. Лапшина, А. Л. Бема, В. А. Францева. Подчеркнута роль президента Чехословакии Т. Г. Масарика в процессе адаптации русских ученых и мыслителей к деятельности в Праге. Показано, что их объединяло стремление постичь глубины христианского учения и его преломление в произведениях Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: русские ученые в Праге, эмиграция, Ф. М. Достоевский, Т. Г. Масарик, русская школа за рубежом, религиозная философия, христианство, православие, педагогика.

Alexander A. Korolkov

THE CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN ÉMIGRÉ COMMUNITY IN PRAGUE

This article characterizes the city of Prague in the 1920s as the most favourable place for creative work of Russian émigré scholars and thinkers who had been exiled. The author of this article had a possibility to work in the Slavonic Library and Charles University in Prague; and the present article is based on this experience. A special attention is given to the lives and idea of Vasily Zenkovsky, Sergey Bulgakov, Ivan Lapshin, Alfred Boehm and Vladimir Frantsev. A contribution of T. G. Masaryk, President of Czechoslovakia, to the process of adaptation of the Russian scholars and philosophers in Prague is emphasized. It is shown that they were united by a common desire to explore the depth of the Christian teaching and its reflection on works by Feodor Dostoyevsky.

Keywords: Russian scholars and thinkers in Prague, emigration, Feodor Dostoyevsky, T. G. Masaryk, the Russian school abroad, religious philosophy, Christianity, Orthodoxy, education.

* Корольков Александр Аркадьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии, РГПУ им. А. И. Герцена; a-korolkov@mail.ru

Пароходы «Обербургомистр Хакен» и «Пруссия» хоть и направлялись осенью 1922 года в Германию, тем не менее для многих изгнанников более притягательными оказались Сербия, Болгария и особенно Чехословацкая республика: сказывались не только близость языка, но возможность реализовать творческие способности при благосклонном отношении главы государства. Томаш Гарриг Масарик, первый президент Чехословацкой республики, не мог не откликнуться на беды русской интеллигенции, поскольку русской культурой не просто дорожил, но погружен был в нее как исследователь. Еще будучи студентом Венского университета, Масарик сблизился со священником русского посольства, славянофилом Михаилом Федоровичем Раевским, увлекся чтением Тургенева, быстро освоил русский язык, оценил богатство русской литературы. В тридцать два года он познакомился с философом Эрнстом Радловым. К этому времени Масарик написал диссертацию о самоубийстве, и Радлов подметил близость его мировоззрения к взглядам Достоевского: русская литература и особенно Достоевский направили Масарика в сторону критики нигилизма и безбожия. Творчество Достоевского стало для него духовным средоточием России, что отразилось в фундаментальном триптихе Масарика «Россия и Европа», название которого не случайно повторило наименование труда Н. Я. Данилевского. В предисловии к третьему тому он написал определенно: «Достоевский — крупнейший русский социальный философ, по его произведениям мы лучше всего можем познать Россию» [24, с. 5]. Вместе с тем ему интересны были и славянофилы, и западники; уже будучи президентом Чехословакии, он встречался с такими разными писателями, как М. Горький и Евг. Замятин, — а президентство его началось в 1918 году и длилось 17 лет — понятно, что русские изгнанники могли в этот период свободно писать и говорить о русской культуре, но это не создавало каких-либо привилегий для их эмигрантской жизни.

Прямых свидетельств того, что Масарик лично как-то опекал русских в Праге, нет, но косвенные факты дают основания предполагать, что президент республики был осведомлен о творческих событиях в кругу русских ученых и даже студентов. Так, в конце июня 1923 года под Прагой по инициативе студенческих христианских кружков Чехословакии состоялась конференция, объединившая профессоров и студентов. То, что в заседаниях участвовали выдающиеся философы, историки, богословы, становилось обычным явлением для подобных собраний, хотя перечисление имен до сих пор впечатляет: В. В. Зеньковский, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, Г. В. Вернадский, Г. В. Флоровский. В контексте нашего обсуждения роли Масарика в судьбе русской эмиграции особое внимание привлекает участие в этой конференции дочери президента — Алисы Масарик. Понятно, что Томаш Масарик философски и политически размышлял о судьбе своего государства, стремился к удержанию демократического единства Чехии и Словакии (это единство чувственно дано ему было от рождения: его мать — чешка, отец — словак), а идеи русской державности и консерватизма оказывались далеки от интересов Масарика. Его «Россия и Европа» хотя одновременно книга об истории России и о русской истории философии, но выбор автором имен и событий свидетельствует о его либеральных предпочтениях. В нашу задачу не входит оценка этих предпочте-

ний, предмет нашего обсуждения — русская мысль, культура и образование в Чехословакии 20–30-х годов.

Ежемесячник «Русская мысль», который издавался в России с 1880 года, в том числе под редакцией А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве, с 1921 года стал выходить вначале в Софии, затем, в 1922–1924 годах, — в Берлине и Праге, а с 1927 года — в Париже. В издании русских книг и журналов Прага 20–30-х годов превосходила названные и неназванные европейские столицы. К тому же в самом центре Праги, у Карлова моста, в те же годы открылась великолепная библиотека, которую поначалу даже называли русской, а в более поздние годы стали именовать славянской. Без библиотеки невозможна научная и учебная деятельность: славянская библиотека позволила обеспечить полнокровную жизнь ученым, преподавателям, студентам.

В 1924 году в Праге организационно оформилось русское Философское общество. В правление общества входили в конце 20-х годов Н. О. Лосский, Г. В. Флоровский, Д. И. Чижевский, И. И. Лапшин, С. И. Гессен. В заседаниях общества принимали участие С. Н. Булгаков, В. В. Зеньковский и другие мыслители, судьба которых была связана не только с Прагой, но и с Парижем, Белградом, Берлином, Софией, а после войны и с более далекими заокеанскими странами.

Пожалуй, творческая жизнь изгнанников оказывалась более удачной, чем бытовая. Многие профессора, писатели вынуждены были жить в «Слободарне» — фактически в студенческом общежитии, такой участи не избежали Марина Цветаева и С. Н. Булгаков. Среди архивных бумаг Свято-Сергиевского института в Париже А. П. Козырев обнаружил пражский дневник С. Н. Булгакова, в котором есть такие свидетельства:

Вот мы уже вторую неделю в долгожданной «златоверхой» Праге. Сидим в каменной клетке «Слободарни»... Трудно и неприветливо встречает Прага своих изгнанников, и трудную, мутную долю сулит будущее. И над всем царит какая-то придавленность и теснота, безрадостность. И невольно спрашиваешь себя: неужели здесь судил Бог окончить многогрешные дни? [15, с. 120].

Екатерина Александровна Кизеветтер, дочь историка и политического деятеля, вспоминая уже не общежитие, а свои молодые годы в «профессорском доме», рассказывала мне, что письменным столом ее отцу служило сбитое гвоздями из дощечек продуктовых ящичков сооружение. Никаких грантов и вспомоществований на обустройство быта и даже на приобретение книг ученые не получали. И все же с юмором относились к своему невеселому существованию: быстро прижилось неофициальное название «профессорского дома» — «Братская могила». Эта «братская могила» тоже была своеобразной школой для детей, подростков, которые не только носились по двум лестницам, но и напивались знаниями, культурой выдающихся обитателей этого дома. Полуподвальное помещение, называемое по-чешски «сборовней», словом вполне понятным и потому сразу закрепившимся в обиходе русских обитателей, в послеобеденное время становилось русской школой с расширенным учебным планом. До обеда многие учились в разных школах, где преподавание велось на французском, английском, немецком и чешском языках, но в послеобеденное

время дети погружались в родную культуру. Директором школы был историк, профессор Иван Иванович Лаппо, учителями тоже оказывались обладатели ученых званий, хотя не звания задавали высокую планку образования. Алексей Борисович Евреинов, написавший документальную книгу о жизни русских в Праге, благодарно вспоминал уроки жены А. Л. Бема, выдающегося исследователя Достоевского:

Если я умею более или менее грамотно писать и с грехом пополам знаю грамматику родного языка, то я всецело этим обязан Антонине Иосифовне Бем, которая в течение целого года регулярно занималась со мной [7, с. 69].

Стоит обратиться к процитированной книге, чтобы убедиться не просто в грамотности, а в литературной одаренности ее автора, сына историка и поэта Бориса Алексеевича Евреинова. Вместе с грамотностью ученики усваивали несравненно большее. Если Антонина Бем смогла приобщить своего мужа, выросшего в Киеве в немецкой католической среде, «к православию как к религии семейной и в то же время личной» [22, с. 24], то вся педагогическая деятельность этой семьи пестовала русские души, в том числе их собственные. Так возникло вместо имени Альфред не случайное имя — Алексей Федорович Бем, — связанное с «телеологией его жизни, к которой Достоевский причастен как еще один источник, духовный и интеллектуальный, питавший жизнь Бема в эмиграции и, в конечном счете, сформировавший ее» [там же, с. 24]. Здесь явно запечатлелась близость Бема к имяславию, в котором жемчужиной сияет имя Алексея Федоровича Лосева.

В условиях изгнания, оторванности от родной языковой, культурной среды ученые, педагоги остро осознали необходимость не просто сохранять навыки обучения, но создавать систему, способную соединить национальное воспитание с развитием культуры. Главной заботой становилось воспитание в традициях национальной культуры, хотя не все, даже маститые педагоги, воспринимали эту озабоченность. С. И. Гессен в книге, опубликованной в Берлине в 1923 году, утверждал категорично: «Физического и национального образования как особых видов образования наряду с образованием нравственным, научным и художественным, нет и не может быть» [6, с. 36]. И тем не менее русскость как проявление личного духа могла поддерживаться и развиваться только духом семейных традиций и усилиями образования. Насколько трудно сохранять этот национальный дух в условиях длительной эмиграции, пророчески предостерегал Л. П. Карсавин, поскольку развивал философское положение о том, что симфоническая личность, и в частности личность культуры, наделена духовно-телесным единством, включающим в том числе пространственное бытие, и

трудно действительно преувеличить значение того, что люди живут в одной и той же обстановке. Ведь это все и есть их общее тело, телесная сторона их взаимодействия. Отсюда понятно, почему эмигранты должны либо перерождаться, либо вырождаться, и тем скорее, чем они рассеянее [14, с. 177].

Кровные наследники не всегда чувствуют, а тем более продолжают дело своих отцов. Мне довелось немного общаться с сыном Петра Николаевича

Савицкого, Иваном Петровичем, в Праге начала 80-х годов XX столетия. С отцом переписывался Лев Николаевич Гумилев — «последний евразиец», как он сам себя называл в последние годы жизни, дорожил этой перепиской; у них и судьба близкая: оба прошли лагерь в годы репрессий. Естественно, во время общения с сыном Савицкого хотелось побольше узнать об евразийстве, но оказалось, что сын классика евразийства интересовался исключительно проблемами прав человека, позднее он даже стал директором Европейского центра по воспитанию в духе прав человека под эгидой ЮНЕСКО. Косвенно о равнодушии Ивана Петровича к русской философии можно судить по тому, что он распродал библиотеку Петра Николаевича Савицкого, хранящуюся в теплом подвальном помещении их жилого дома. Так в мою домашнюю библиотеку попал девятитомник Владимира Соловьева, добротнo изданный в самом начале XX столетия.

И все-таки более глубокое знакомство с сыном другого эмигранта, историка и поэта Бориса Алексеевича Евреинова, позволило убедиться в силе традиций русского воспитания, перенесенных подвижниками отечественной культуры за границу. Переписка, а потом и встречи с Алексеем Борисовичем Евреиновым открыли человека, дорожающего русской историей, поэзией; он описал свои детские впечатления об ученых, писателях, которые жили в «профессорском доме» Праги. Эта книга — яркое свидетельство о судьбе русских эмигрантов 20–30-х годов [8]. Нас сблизил опубликованный в 1992 году «Роман небытия», в котором я пытался воспроизвести в документально-художественной форме жизнь русских в Праге — столь рискованное предприятие осуществилось благодаря тому, что в 70–80-е годы мне довелось преподавать в течение трех лет в Братиславском и Карловом (Пражском) университетах [16].

Русские изгнанники не замыкались в своем землячестве, бережное отношение к родной культуре не мешало быстро освоиться в культуре чешской и словацкой. Насколько эффективным и плодотворным оказалось их творчество на ниве новой, но близкой культуры, можно убедиться, обратившись хотя бы к тому «Научных трудов Русского народного университета в Праге», который был посвящен 80-летию со дня рождения президента Чехословацкой республики Т. Г. Масарика и имел подзаголовок «Изучение Чехословакии» [25]. Все авторы тома — выходцы из России, но трудно поверить, что главы этой книги написаны не чехами и словаками. Вот некоторые из них:

- проф. А. А. Кизеветтер «Национальное возрождение Чехии»;
- проф. А. В. Флоровский «Ян Гус в русской оценке»;
- проф. Н. О. Лосский «Современная философия в Чехословакии»;
- д-р Л. В. Копецкий «Чешские филологи-слависты»;
- д-р Е. А. Ляцкий «Ян Неруда. Художник великих достижений на пороге новой чешской литературы»;
- проф. И. И. Лапшин «Бедржих Сметана как выразитель чешского музыкального гения»;
- А. Л. Бем «Отокар Бжезина — выразитель гения чешского народа»;
- Б. Одинцов «Сельское хозяйство Чехословакии»;
- пр.-доц. П. Н. Савицкий «Очерки почвенной географии Чехословакии».

Заметим, что каждый из названных (и неназванных) исследователей чешской науки, культуры был еще и выдающимся исследователем русской культуры: например, Альфред (Алексей) Людвигович Бем именно в пражский период жизни объединил философов, филологов, деятелей культуры для постижения творчества Ф. М. Достоевского. В предисловии к первому сборнику «О Достоевском» Бем пояснял, что до написания статей все авторы выступали с докладами в семинарии по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге. Труды самого Бема и всей русской школы исследования Достоевского в Праге проторили дорогу к оценке ранних произведений писателя: «Двойник», «Хозяйка»; авторы новаторски истолковали многое в Достоевском с позиций психоанализа и герменевтики, особенно в плане истоков творчества писателя, его преемственных связей с творческим богатством Грибоедова, Пушкина, Гоголя [26; 27]. Авторская книга Бема о Достоевском имела подзаголовок «Психоаналитические этюды» [3]. Это не просто дань увлечению учением Фрейда, а стремление раскрыть первородную глубину постижения Достоевским тайн душевной и чувственной жизни человека. В другой работе Бем выражал убеждение, что «маленькие трагедии Пушкина — это высочайшие достижения человеческого духа» [2, с. 17].

В пражский и брагиславский периоды жизни Н. О. Лосского была задумана и частично написана одна из классических книг о Достоевском — «Достоевский и его христианское миропонимание». Замысел этот вызревал как идея книги о христианстве, а его реализация выразилась в попытке «изобразить великие достоинства христианства посредством гения Достоевского» [18, с. 10]. В пражских сборниках о Достоевском публиковал свои статьи И. И. Лапшин [16, с. 125–139], которого не успели оценить в России, так как его исследование об эстетике Достоевского появилось в год его прощания с Россией [17]; прочтение этой работы на родине не состоялось даже тогда, когда стали доступны книги М. М. Бахтина и Н. А. Бердяева о Достоевском [4].

Мыслители русской Праги даже в проблеме пола открыли религиозный смысл. В. В. Зеньковский отмечал:

Карамазовщина — сила страшная, но и творческая, могущая создать Федора Павловича, но и Алешу... Основное художественное и философское открытие Достоевского заключается как раз в том, что в основе этой силы лежит пол, как начало метафизическое [13, с. 111].

Религиозный мыслитель не страшится писать о «моральном хаосе» человеческой души.

Обнажение всей тьмы, которая царит в глубине души, эта, если угодно, фактическая аморальность человека в его подполье — вот на что устремлено внимание Достоевского... Достоевский вовсе не сатирик, он не бичует своих героев, он сам с ужасом следит за их внутренней жизнью [10, с. 68].

Отрадно отметить, что в ноябре 2006 года в Москве была проведена международная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения А. Л. Бема, где обсуждались в числе других его эстетические и педагогические идеи [2]. Значение творчества Достоевского для сохранения национального

самосознания остро осознали именно эмигранты, насильственно оторванные от Отечества. С. Н. Булгаков, философ и богослов, годы эмиграции которого в основном связаны с Парижем, но начало 20-х — с Прагой, в своих автобиографических заметках писал, что после длительного периода безбожия произошло возвращение к вере: «Из социолога я становился богословом (благодарно отмечу влияние Достоевского)» [5, с. 37]. И это при том, что Булгаков учился в духовной семинарии, но даже духовное образование не стало противоядием нарастающему влиянию нигилизма. Русская литература и в самой России в десятилетия воинствующего безбожия спасала духовное здоровье нации. Эту миссию литературы очень точно выразил Валентин Григорьевич Распутин: «Две силы — народная вера и родная литература — духовно сложили русского человека, дали ему масштаб и открыли его. Такого влияния и такого значения литературы ни в одном народе увидеть больше нельзя» [28, с. 580].

Русская культура в эмиграции смогла уцелеть и даже дать уникальные плоды благодаря системе образования. В короткий срок, за неполное десятилетие, в Чехословакии уже полноценно действовали Русская реформированная гимназия в Праге и подобная гимназия в Моравской Тржебове, а высшая школа смогла обеспечить запросы молодых людей как на гуманитарное, так и естественнонаучное, техническое образование, причем не только русскоязычных студентов.

В конце 1921 года в Карловом университете начал читать лекции выдающийся славист Владимир Андреевич Францев. Он в равной степени знал и почитал как русскую, так и чешскую культуру: его магистерская диссертация, защищенная еще в 1902 году в Варшавском университете, была посвящена истории чешского возрождения. Стоит ли удивляться тому, что совет профессоров Карлова университета настойчиво приглашал Францева на постоянную работу с 1919 года, что и произошло одновременно с избранием Францева академиком РАН, из которой он был исключен лишь в 1928 году в связи с принятием чешского гражданства. Вот такого уровня специалисты влились в чехословацкие университеты! Понятно, что Францев читал лекции и на чешском, и русском языках. Кстати, в составе Российской академии наук он был восстановлен в 1990 году, научное звание академика, хотя и посмертно, навсегда принадлежит ему.

К десятилетию Чехословацкой республики был подготовлен своеобразный справочник «Русские в Праге» — о многогранной деятельности русских общественных, культурных, научных, студенческих и иных организаций. Справочник свидетельствует о масштабах научной, просветительской и учебной работы, которую удалось развернуть ученым и педагогам к 1928 году [30]. Судя хотя бы по названиям учебных заведений, можно безошибочно утверждать, что Прага того времени не знала русофобии. Вот некоторые наименования учебных заведений: Русский юридический университет в Праге, Русский педагогический институт имени Яна Амоса Коменского, Русский народный университет в Праге, Русское высшее училище техников путей сообщения (фактически это институт инженеров железнодорожного транспорта), Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге... Не станем перегружать текст перечислением всех русских учебных заведений — и без столь полной справки

видно, что русские ученые, преподаватели стремились создать полноценную систему высшего и среднего специального образования. Обращу лишь внимание на последний из перечисленных — Институт кооперации. Дело в том, что в дореволюционной России и в русском зарубежье глубоко разрабатывались теория и практика кооперативного хозяйства. Именно в Праге вышла 500-страничная монография И. В. Емельянова, обобщающая мировой опыт кооперации и, к сожалению, не прочитанная, не освоенная теми, кто и доныне не владеет навыками кооперативного производства и сбыта продуктов садоводства и огородничества [9]. Теоретически кооперативное движение претендовало на альтернативу учениям Дарвина о борьбе за существование и Маркса о классовой борьбе. Исходные положения теории кооперации автор связывал с идеями петербургского профессора К. Ф. Кесслера и их развитием в учении о факторах эволюции князя П. А. Кропоткина, считавших более существенным для животного мира и человеческих сообществ не закон борьбы, а закон взаимопомощи.

Профессионализм профессоров обеспечивал высочайший уровень подготовки студентов. Этот профессионализм не поддавался вирусу идеологического противостояния: поразительно, насколько внимательно следили русские изгнанники за всеми процессами в сфере советского образования. В каждом номере журнала «Русская школа за рубежом» непременно публиковались статьи, обзоры, рецензии о состоянии советской школы. В поле зрения этого журнала были ежемесячно издававшиеся советские журналы: «Народный учитель», «Народное просвещение», «На путях новой школы» (речь идет о середине 20-х годов). К сожалению, спустя столетие наши историки педагогики недостаточно оценили опыт русской школы за рубежом, в которой проявили свои таланты выдающиеся ученые и педагоги. При обилии диссертаций и педагогических монографий не найти даже обзора статей, опубликованных в пражском журнале «Русская школа за рубежом», хотя журнал этот по духу и содержанию — не о прошлой школе, не об истории, он — о самых животрепещущих вопросах современного образования и воспитания. В этом можно убедиться, обратившись к основательному тому философско-педагогических трудов В. В. Зеньковского в частично реализованной серии «Педагогическая библиотека Российского зарубежья» [12]. Особую ценность в этом томе представляет библиография трудов выдающегося русского философа, богослова, педагога, в которой читатель откроет для себя пражские, парижские, белградские публикации, в том числе в журнале «Русская школа за рубежом». Журнал отражал как традиционные направления в образовании, так и самые модернистские. Вот в журнале 1929 года встречаем сведения о «Международном союзе новых школ», где отстаиваются идеи «свободного воспитания» в более «продвинутом», чем у Руссо и Толстого, виде. Оказывается, уже в те годы формировались принципы реформирования в преподавании истории и разворачивал свои инициативы «Европейский комитет института Карнеги по пропаганде мира», под эгидой которого проводились конгрессы «Школа и мир» [29, с. 231]. Русская эмиграция умела противостоять модернистским соблазнам — без этой духовной устойчивости не стала бы подарком всем последующим поколениям не только в эмиграции, но в самой России та философская,

богословская литература, которая уже служит и еще послужит возрождению традиций духовности, культуры.

Полезно и даже актуально было бы переиздать некоторые книги, журнальные статьи, обратить внимание молодых исследователей на имена и работы, вклад которых в философию, культуру и науку недооценен. Разве достаточно известно в наше время имя Ивана Ивановича Лапшина, автора опубликованной еще в 1922 году в Петрограде и вскоре переизданной в Праге книги «Философия изобретения и изобретение в философии»?! [19]. Это книга не о привычном изобретательстве, а о философии творчества. Следует обратить внимание на то, что до высылки 1922 года жизнь И. И. Лапшина была связана с Петербургским университетом, Александровским лицеем и с университетом, который ныне известен как РГПУ им. А. И. Герцена.

Духовная устойчивость русской эмиграции первой половины XX столетия не означала отказа от той культуры, которая созидалась вне монастырских стен и которую стали именовать светской культурой. Известно, что в нашей истории неоднократно и даже периодически появлялись блюстители святоотеческих традиций, провозглашающие отступниками от таких традиций не только и не столько модернистов, сколько весь сонм писателей, композиторов, живописцев, мыслителей, которых именуют классиками литературы и искусства XIX–XX веков. Русская эмиграция без лакировки писала о зигзагах жизненного пути А. С. Пушкина, но возвысила значение его творчества для нашей духовной истории. Даже в юбилейных пушкинских сборниках встречаем описания буйства Пушкина, идущего от «наследия Африки», а рядом — все же вывод, что

с арабской кровью в жилах, с французским воспитанием, со всемирною отзывчивостью Пушкин был глубоко русский человек, неразрывно связанный не только с вершинами нашей культуры, но и с народной стихией, где русский дух, где Русью пахнет [31, с. 57].

В нем бурлили, клокотали страсти, противоречия, но вместе с тем в его стихах, как в великой музыке, беспокойная душа находила умиротворение в красоте. В нем находили и устремленность к переменам, и преданность преданьям старины глубокой. «Пушкин — наше все» — вовсе не о том, что кроме Пушкина ничего нет и его надо обожествить. Пушкин и Достоевский не принадлежали к ангельскому чину, но всем своим творчеством укрепляли стремление человека к преображению. Это стремление изгнанники и выражали исключительным вниманием к их художественному и философскому слову, слову порой жесткому по отношению к собственному народу:

Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в своей мерзости постоянно вздыхает... Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы [7, с. 43].

Можно ли примирить страсти и разум, гармонизировать телесность и духовность? Ответ на эти вопросы искали и Пушкин, и Толстой, и Розанов, напряженность их поиска вела к недостижимой гармонии.

Пушкина наши соотечественники ценили как олицетворение русскости, как «наивысшего выразителя духовной свободы» [18, с. 252]. Именно в Чехословакии родился в 1925 году праздник «День русской культуры», приуроченный к дате рождения Пушкина. Праздник возник по инициативе объединения русских учительских организаций, союза русских академических организаций. В Праге же сложился комитет по организации этого праздника, распространивший свое влияние почти на все страны, где проживали русские. Не пришла ли пора обратиться к пражскому опыту спасения русской культуры в условиях ее вытеснения в конце XX — начале XXI вв. массовой культурой?! И День русской духовности и культуры, который удавалось организовывать многие годы в Иркутске подвижничеством Валентина Распутина, все-таки должен превратиться в общероссийский День пробуждения интереса к собственной национальной истории и культуре.

Е. Ф. Шмурло, автор самого необычного курса русской истории, в котором отражены позиции авторитетных историков по самым спорным вопросам, ответил и на вопрос «Что такое День русской культуры?». Из его развернутого ответа выделим несколько разъяснений:

Злой рок выбросил нас из пределов Родины, вынудив жить на чужбине... Денационализируясь, мы перестаем болеть и тревожиться за свою Родину... «День русской культуры» и ставит себе целью — в одних освежить, в других заново посеять сознание нашей русскости, так как осознать свои духовные ценности — это значит определить свою национальную физиономию, подняться на твердые ноги и обрести в себе надлежащие силы... Будем же постоянно, не только в день 26 мая, с неослабевающей благодарностью вспоминать тех, кто приложил свои силы, ум и энергию на созидание государственной мощи России; кто воспитывал в нас чувство национальности; кто словом и делом проводил в нашу жизнь учение Христа [32, с. 8–21].

К таковым воспитателям, как видим по изданной ко Дню русской культуры книге, авторы относили и А. С. Пушкина, и Ф. М. Достоевского, и М. М. Сперанского, и М. Е. Салтыкова-Щедрина, и К. Д. Ушинского, и Андрея Рублева, и И. П. Павлова, и Н. И. Лобачевского, и П. Н. Лебедева. Тем самым русские изгнанники учат нас ценить сокровища национальной мысли и культуры во всем их разнообразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья. — М., 2008. — 488 с.
2. Бем А. Л. Достоевский — гениальный читатель // О Достоевском. Сб. статей под ред. А. Л. Бема. Вып. 2. — Прага, 1933. — С. 7–24.
3. Бем А. Л. Достоевский. Психоаналитические этюды. — Прага, 1938. — 191 с.
4. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. — Прага. 1923. — 238 с.
5. Булгаков Сергей, прот. Автобиографические заметки. — YMCA-PRESS. 1991. — 165 с.
6. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. — М., 1995. — 447 с.

7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя, февраль 1876 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. — Т. 22. — Л.: Наука, 1981. — С. 43.
8. Евреинов А. Б. Между двумя эмиграциями. — Торонто; СПб., 2005. — 234 с.
9. Емельянов И. В. Кооперативные организации среди земледельцев. — Прага, 1923. — 488с. + приложения.
10. Ермишин О. Т. И. И. Лапшин и творчество Ф. М. Достоевского // Вестник РХГА. — 2020. —Т. 21. Вып. 3. — С. 178–186.
11. Зеньковский В. В. Гоголь и Достоевский. // О Достоевском. Сб. статей под ред. А. Л. Бема. Вып. 1. — Прага, 1929. — С. 65–76.
12. Зеньковский В. В. Педагогические сочинения. — Саранск, 2002. — 807 с.
13. Зеньковский В. В. Федор Павлович Карамазов // О Достоевском. Сб. статей под ред. А. Л. Бема. Вып. 2. — Прага. 1933. — С. 93–114.
14. Карсавин Л. П. О личности // Религиозно-философские сочинения. — М., 1992.
15. Козырев А. П. «Я — Россия, и она во мне, и так быть и жить хочу...» Отец Сергей в эмиграции // Русская философия в изгнании. Исследования и публикации. — М., 2012. — С. 116–161.
16. Корольков А. А. Роман небытия. — СПб., 1992. 168 с.
17. Лапшин И. И. Как сложилась Легенда о Великом Инквизиторе // О Достоевском. Сб. статей под ред. А. Л. Бема. Вып. 1. — Прага, 1929. — С. 125–139.
18. Лапшин И. И. Пушкин и Монтень // Пушкинский сборник. Русский институт в Праге. Прага, 1929. — С. 245–252.
19. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. — Прага, 1924.
20. Лапшин И. И. Эстетика Достоевского. — Берлин: Обелиск, 1923. — 101 с. (См. также Лапшин И. И. Эстетика Пушкина // Сборник русского института в Праге. — 1932. — С. 125–190.)
21. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. — М., 1994. — 432 с.
22. Магидова М. Альфред-Алексей Бем. К вопросу о самоидентификации // А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья. — М., 2008. — С. 9–28.
23. Маслин М. А. Томаш Гарриг Масарик // Русская философия за рубежом: история и современность. — М., 2017.
24. Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России: в 3 т. — Т. 3. Ч. 2–3. — СПб.: РХГИ, 2003. — 576 с.
25. Научные труды Русского народного университета в Праге. Изучение Чехословакии. — Вып. 3. — Прага, 1930. — 280 с.
26. О Достоевском. Сб. ст. под ред. А. Л. Бема. Вып. 1. — Прага, 1929.
27. О Достоевском. Сб. ст. под ред. А. Л. Бема. Вып. 2. — Прага, 1933.
28. Распутин В. Г. «Откройте русскому человеку свет». О Ф. М. Достоевском // Распутин В. Г. У нас остается Россия. — М., 2015. — С. 576–581.
29. Русская школа за рубежом. — Кн. 32. — Прага, 1929. — 257 с.
30. Русские в Праге. 1918–1928 / ред.-изд. С. П. Постников. — Прага, 1928. — 346 с.
31. Спекторский Е. В. Заветы Пушкина // Пушкинский сборник. — Прага, 1929. — С. 53–64.
32. Шмурло Е. Ф. Что такое «День русской культуры?» // Зодчие русской культуры. — Прага, 1929.